

«ЧАЙКА»

В ПОЛЕТЕ

Они выпущены Московским хореографическим академическим училищем, работают в Большом театре, оба не раз выходили в число лауреатов на конкурсах всесоюзных и международных, завоевывали «советской команде» золото. Оба заняты в новой постановке Майи Плисецкой на музыку Родиона Щедрина — в балете по мотивам чеховской «Чайки»... Пожалуй, этим сходство исчерпывается.

ЕЙ ДВАДЦАТЬ два года, вся будущность еще впереди. От того, насколько серьезно станет она трудиться, от того, насколько последовательно и настойчиво разовьет в себе волю к вечному совершенствованию, зависит, превратится ли в звезду Алла Михальченко. Уже сейчас ей поручают балеринские партии — в «Тени» ввели с десяти репетиций, в гастролях — в Японии и в Алма-Ате зрители познакомились с ее Китри. Москвичам такое знакомство только предстоит, но сама партия в принципе близка ее данным, ее творческим склонностям. В «Этих чарующих звуках» она танцует все три балета — па-де-де на музыку Торелли, ироничный, забавно стилизованный дуэт из «Прогулок» Рамо и «Симфонию № 40» Моцарта. Если учесть, что первая и третья часть «Чарующих звуков» известны в исполнении Екатерины Максимовой, станет ясным, какие дополнительные волнения сопряжены у молодой балерины с тремя партиями на классическую музыку, где она неизбежно поставлена перед опасностью сопоставления с первой исполнительницей.

И вот ведь что удивительно: всегда кажется, будто Алла абсолютно чужда каких бы то ни было волнений.

В фрагменте «Лебединого озера», в па-де-де Одиллии с Принцем, и запомнилась она впервые столичной публике. То было в дни всесоюзного конкурса.

И хотя в ее девятнадцатилетней Одиллии чувствовалась уверенная привычка побеждать, наибольшее впечатление произвела Алла вместе с Федоровым в сочиненной М. Мартиросяном миниатюре «Юность». С тех пор в ее театральном репертуаре, естественно, появились постановки современных балетмейстеров на темы современные — «Ангара» и «Калина красная». Но образ, созданный Михальченко в «Юности», остается удачей примером совпадения пластики, хореографии, настроения с человеческой и профессиональной индивидуальностью исполнительницы. По сей день, видя Михальченко на подмостках и вне сцены, вспоминаешь угловатую, чуть резкую и вместе с тем нежную, раскованную и вместе с тем неожиданно застенчивую, лукавую и вместе с тем очень простодушную, динамичную, но склонную к паузам задумчивости героиню — такую узнаваемую, такую современную.

Остро чувствуя пластику современного балета, Михальченко мечтает о Мехмене-Бану. А еще она мечтает о Жизели — но какая балерина не мечтает об этой «роле на все времена»? Но поскольку Алла привыкла задуманное выполнять, нас, видимо, ждет встреча не только с-новой Китри, с новой Мехмене-Бану, но и с новой Жизелью.

АЛБЕРТ — среди лучших созданий **Александра Богатырева**. Сейчас звезда знаменитого танцовщика в зените. Его путь в театре подтверждает и даже превосходит надежды. Его школьные работы отличались столь незаурядной талантливостью, завершенностью формы и музыкальностью настроения, что первый же приезд в Париж вместе с хореографическим училищем принес Александру Богатыреву премию имени Вацлава Нижинского — награду, обычно присуждаемую лишь профессиональным и притом выдающимся артистам. В 1974 году во время очередной зарубежной поездки Большого театра известный балетный критик Клемент Крисп пишет в своей рецензии на «Лебединое озеро»: «...Единственный источник радости — Александр Богатырев, в чьем лице мы можем приветствовать нового и многообещающего ведущего танцовщика... Богатырев молод, строен, красив. Он создает в Зигфриде образ прекрасных романтических пропорций, в его характере есть пылкость и страсть, в его танце — отделанность и слитность, что свидетельствует о его принадлежности к лучшим традициям русских первых танцовщиков. Движения легкие, струящиеся, фразированные с музыкальным пониманием и с безукоризненными концевками — ни небрежных позирований при приземлении с прыжка, ни нерешительности в расстановке акцентов или в выходе из комби-

наций. В сумме здесь великие обещания, настоящий романтический стиль...».

Оценки справедливые и дальновидные. Настоящий романтический стиль в мужском танце нынче большая редкость. Одухотворенный, благородный танец Богатырева и в «Жизели», и в «Шопениане» отмечен утонченным постижением всех, требовательных, всех особенностей балета романтического. Можно даже утверждать, что именно романтический балет оставил отзвук и в образах, созданных Богатыревым в спектаклях советских балетмейстеров. Его Вацлав дышит рыцарственной поэзией, словно вся его недолгая сценическая жизнь — мадригал, станцованный в честь Марии. Он устремляется в неравный бой с Гиреем, как воин, и гибнет, как Мечтатель, у которого похищают Мечту.

Богатырев всегда устремлен к Мечте, вне которой балет утрачивает свою лирическую природу. Мечтает его романтик Ферхад — растревоженный творческими замыслами, поглощенный страстью к принцессе, своим подвигом во имя народа. Мечтает Икар, словно решая внутренний спор с самим собой, словно проходя сквозь искус выбора меж неотразимой любовью Эолы и неодолимой тягой к небу, к полету.

Мечтает Дезире, еще не ведая, какие испытания и радости ждут его. И, естественно, мечтает шекспировский Ромео. Когда-то предполагая выучить партию в редакции прежней, Богатырев стал участником версии новой.

Мечтают его герои. Мечтает и сам Богатырев. О чем? Например, о партии Солора в «Тенях» — из «Баядерки» Петипа. Танцовщик называет «Тени» маленькой жемчужиной. Впрочем, есть в его репертуаре уже еще одна «маленькая жемчужина» — тюрн на музыку Шопена в постановке Джерома Роббиса, исполненный Богатыревым вместе с Майей Плисецкой.

Вместе с Майей Плисецкой он появится в «Чайке». Сейчас самое увлекательное, самое трудное для участников время — идут постановочные репетиции. О них говорят новые лауреаты.

Алла Михальченко:
— Для меня эта работа и неожиданна и, конечно, очень интересна. Во-первых, никогда раньше не думала, что меня ждет такой прекрасный и тонкий материал, как пьеса гениального Чехова, переложенная на язык музыки, пластики, танца. Это, как вы понимаете, нелегко. Там очень сложная пластика, а танец решается очень современно, остро и на богатейшем психологическом тексте. И такой подтекст раскроешь, не обладая настоящим актерским мастерством. Поэтому встречи с Майей Михайловной Плисецкой — хореографом и первой исполнительницей главной роли (роли двойственной, поскольку там надо перевоплощаться то в символический образ Чайки, то в поэтический, но человечески реальный образ Нины Заречной) — меня просто захватывают, и общение с Плисецкой, возможность наблюдать ее на репетициях в процессе сочинения танцев и в процессе интерпретации роли, ее советы и объяснения становятся для меня бесценными с точки зрения актерского мастерства.

Александр Богатырев:
— Михальченко репетирует с Барыкиным, я готовлю роль Треплева, и «моей» Чайкой будет Майя Михайловна. Думаю, что каждому ясно, насколько интересно сотрудничество с таким большим мастером, теперь единым в двух лицах, потому что Майя Михайловна сама ставит спектакль и сама танцует. Очень трудно выдержать подобное «раздвоение личности», но репетиции идут полным ходом, и многие дуэты уже сочинены. Необычны все сценические задачи — и танец, и мимика, и жест, как необычна и сама идея балетного воплощения Чехова. Необычна и интересна для меня музыка Родиона Щедрина — я впервые должен танцевать в балете, им сочиненном, и очень волнуюсь, поскольку передача музыкального замысла, стилистики композитора для меня всегда так же важна, как тщательное и точное следование балетмейстерскому рисунку. И пусть будут сложности, всегда сопряженные с нашей профессией — мне кажется очень увлекательным участвовать в новом спектакле, который обретает очертания, рождается на твоих глазах, и ты осознаешь, что в новом произведении есть и твоя, пусть скромная, но тоже необходимая лепта. Вот эти минуты соиздания, эти постановочные репетиции будущей премьеры всегда для меня становятся прекраснейшими мгновениями жизни в искусстве...
Е. ЛУЦКАЯ.